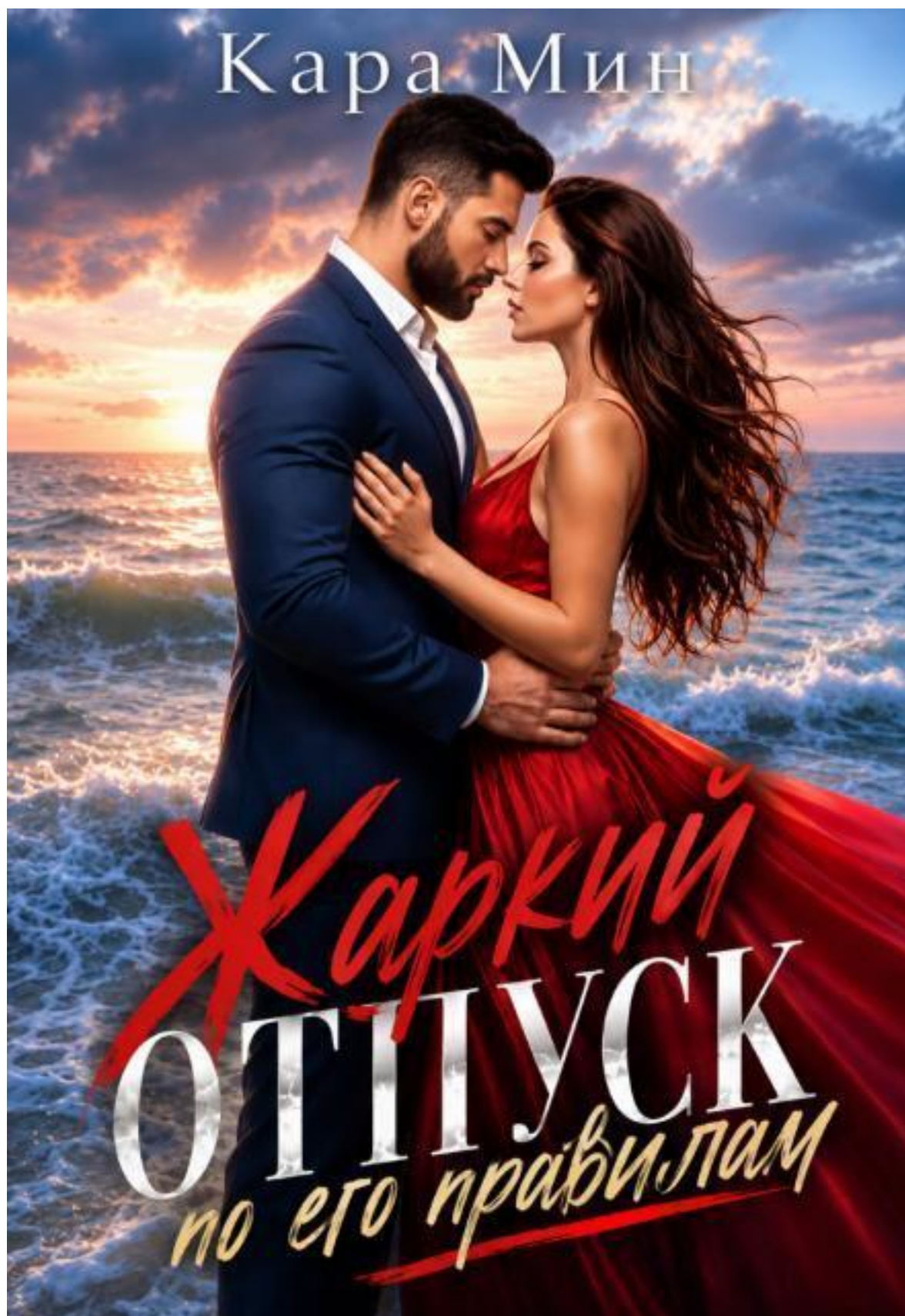

Кара Мин

Харкий
ОТПУСК
по его правилам

Кара Мин

Жаркий отпуск по его правилам

«Литнет»

2026

Мин К.

Жаркий отпуск по его правилам / К. Мин — «Литнет», 2026

За три дня до свадьбы я застаю жениха с другой и улетаю в наш медовый отпуск одна — туда, где всё приготовлено для двоих. Глеб, строгий хозяин отеля, привык управлять людьми и получать ответы с первого раза, однако я слишком долго жила по чужим правилам. Его забота постепенно становится необходимой, а каждое требовательное «посмотри на меня» заставляет забыть мужчину, который меня предал. Только сможет ли Глеб удержать женщину, которую можно обрести лишь одним способом — позволив ей самой выбрать, куда возвращаться?

© Мин К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1

В графе «Количество гостей» по-прежнему стоит цифра два.

Девушка за стойкой переводит взгляд с экрана на меня, потом осторожно смотрит за моё плечо. Там никого. Только высокий чемодан, который я тащу через половину страны, и второй ключ от номера в прозрачном конверте.

— Второй гость подъедет позже? — спрашивает она.

Я успеваю рассмотреть её аккуратный пучок, светлую форму, тонкий серебряный браслет. Любую мелочь, лишь бы не произносить ответ. За спиной распахнуты стеклянные двери. В холл проникает солёный воздух, слышен мерный шум волн. Именно ради него я выбирала этот отель для нашего свадебного путешествия.

Нашего больше нет.

— Второго гостя не будет.

Улыбка девушки становится мягче. Сейчас она скажет что-нибудь участливое, и я либо расплачусь у стойки, либо отвечу грубо человеку, который ни в чём не виноват.

— Оформляйте номер на одного, — раздаётся мужской голос справа. — Остальные сведения можете исправить позже.

Он говорит спокойно, однако девушка сразу выпрямляется и кладёт второй ключ под стойку. Я поворачиваюсь.

Высокий мужчина в тёмных брюках и белой рубашке стоит возле открытой двери служебного кабинета. Рукава закатаны до локтей, ворот расстёгнут. Ему около сорока. Тёмные волосы коротко подстрижены, борода подчёркивает тяжёлую линию подбородка. Он смотрит на сотрудницу, потом на меня. В его лице нет ни жалости, ни любопытства.

За это я почти благодарна.

— Ваш номер готов, — сообщает девушка. — Завтрак с семи до одиннадцати. Терраса ресторана открыта до полуночи. Если понадобится помощь...

— Я позвоню.

Беру конверт, карточку и ручку. Пальцы слушаются плохо. На безымянном всё ещё заметна светлая полоса от кольца. Я сняла его в аэропорту и сунула в боковой карман сумки вместе с посадочным талоном.

Мужчина задерживает взгляд на моей руке лишь на секунду.

— Павел проводит вас, — говорит он.

— Я сама найду лифт.

Его бровь едва заметно поднимается.

— Тогда Павел отнесёт чемодан.

— И с чемоданом справлюсь.

— Вижу.

В одном коротком слове слышится сомнение. Я хватаюсь за ручку и дёргаю чемодан на себя. Колесо цепляется за край ковра, тяжёлая махина наклоняется. Мужчина успевает подхватить её раньше меня.

— Отпустите.

— Когда поставлю.

Он возвращает чемодан на четыре колеса. Держит ручку, пока я не разжимаю пальцы, и передаёт багаж подошедшему парню.

— Седьмой этаж, номер семьсот восемь.

— Я не просила.

— Я тоже не просил вас ронять чемодан посреди холла.

Парень прячет улыбку. У меня поднимается горячая волна от груди до щёк.

— Вы со всеми гостями разговариваете таким тоном?

Теперь мужчина смотрит прямо на меня. Серые глаза спокойные, внимательные. Такой взгляд выдерживает паузу дольше, чем удобно собеседнику.

— Только с теми, кто собирается сломать себе ногу в первые три минуты отпуска.

— Убедили. Постараюсь дожить до отъезда.

Я иду к лифту, не проверяя, следует ли Павел за мной. Двери закрываются, оставляя мужчину внизу. Отражение в зеркальной стене показывает женщину в мятом льняном костюме, с собранными на затылке волосами и упрямо поднятым подбородком.

Ещё неделю назад я должна была стать женой Олега.

За три дня до свадьбы возвращаюсь домой раньше назначенного времени. Хочу забрать папку с документами, открываю дверь своим ключом и слышу из спальни знакомый женский смех. Олег даже не успевает придумать ложь. Стоит передо мной в одних брюках, а моя приятельница закрывается нашей простынёй.

Я отменяю ресторан, ведущего, фотографа. Возвращаю подарки. Отвечаю родным. Восемь дней живу, будто закрываю сложный проект после краха заказчика. Плакать начинаю только в самолёте, когда бортпроводница спрашивает, летим ли мы отмечать свадьбу.

Теперь у меня двенадцать дней у моря и номер для новобрачных, оплаченный до последней ночи.

Павел ставит чемодан возле шкафа.

— Глеб Андреевич бывает резким, — говорит он, заметив мой взгляд на закрывшуюся дверь. — Вы не обижайтесь.

— Это хозяин отеля?

— Да. Он сейчас сам всем занимается.

— Я догадалась.

Даже если бы Павел не назвал его, сомнений мало. Подчиняться Глебу начинают до того, как он заканчивает фразу.

Я оставляю чаевые, закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Номер огромный. Белая кровать, светлое дерево, балкон над морем. На столе ведёрко со льдом, бутылка игристого и карточка с пожеланием счастливой семейной жизни.

Несколько секунд я просто смотрю.

Потом беру карточку, рву пополам и выбрасываю. Бутылку выставляю за дверь. Лепестки с кровати сгребаю в корзину для мусора. Убираю вторую чашку, второе полотенце, мужские тапочки. Каждое движение даётся легко, пока я не замечаю двух лебедей, свёрнутых из белых полотенец. Их шеи соединены в сердце.

Я сажусь на край кровати.

Слёзы приходят без красивой паузы. Нос закладывает, тушь течёт, в груди больно от каждого вдоха. Я плачу о свадьбе, которую планировала полгода, о семи годах рядом с Олегом, о женщине, которой считала себя рядом с ним. Самое страшное всплывает позже: я скучаю по человеку, способному предать меня в нашей постели. Тело помнит его тепло, уши — его шаги в прихожей. От этого хочется содрать с себя кожу.

Я хватаю одного полотенечного лебеда и швыряю в стену.

Он падает бесшумно. Получается жалко.

Через час умываюсь холодной водой, надеваю закрытый чёрный купальник и лёгкое платье. В номере оставаться нельзя. Здесь всё рассчитано на двоих, даже закат за окном.

На пляже почти пусто. Солнце касается воды, воздух остывает. Я снимаю сандалии и иду вдоль кромки. Песок мягкий, тёплый внутри и прохладный сверху. Волна обмывает ступни, подол намочает.

В конце пляжа стоят низкие столбики с канатом и табличкой «Проход закрыт». За ними берег изгибается, образуя небольшую бухту. Там нет лежаков, музыки и людей. Именно туда мне хочется.

Переступаю канат.

Песок сменяется плоскими камнями. Вода прозрачная, спокойная с виду. Я оставляю платье на сухом выступе и захожу по колено, потом по пояс. Холод заставляет втянуть живот. Делаю ещё шаг.

Течение тянет ноги в сторону.

Я разворачиваюсь к берегу, но камень уходит из-под ступни. Вода ударяет в грудь, накрывает лицо. Солёный вкус обжигает губы. Я выставляю руку, нащупываю дно и снова теряю опору.

Чьи-то пальцы смыкаются на моём предплечье. Меня резко тянут назад. Спина ударяется о твёрдую грудь.

— Ноги на дно.

Глеб.

Он держит меня одной рукой поперёк живота, второй перехватывает запястье. Его брюки промокли, рубашка прилипла к телу. Я кашляю и пытаюсь вырваться.

— Я стою.

— Стойте спокойно.

— Отпустите меня.

— На берегу.

Он ведёт меня через воду, крепко прижав к себе. Возле камней течение слабеет. Я выдёргиваю руку и выбираюсь сама. Колени дрожат от холода и испуга, но я заставляю себя распрямиться.

Глеб поднимает моё платье и протягивает мне.

— Бухта закрыта из-за обратного течения. Табличка стоит перед канатом.

— Я умею читать.

— Тогда почему вы здесь?

— Хотела побыть одна.

— Для этого в отеле семь этажей, сад и полтора километра безопасного пляжа.

— Перечислите ещё раз. Вдруг я не запомнила.

Его взгляд становится жёстче.

— Вы могли утонуть.

— Вода мне по пояс.

— Здесь достаточно одного неверного шага.

Я натягиваю платье прямо на мокрый купальник. Ткань липнет к бёдрам, волосы стучат по спине тяжёлыми прядями.

— Спасибо, что вытащили. Дальше я справлюсь.

— Вы всё время это говорите.

— Потому что это правда.

Он подходит ближе. Между нами остаётся половина шага. Я замечаю каплю на его нижней губе и тонкий белый шрам возле подбородка. От мокрой рубашки пахнет чистой тканью и морской водой.

— Справляться и подвергать себя опасности — разные вещи, Вера.

Я не представлялась ему. Значит, он запомнил имя при заселении.

— Вам обязательно всех контролировать, Глеб Андреевич?

— На территории моего отеля я отвечаю за безопасность гостей.

— Сейчас я уже в безопасности.

— Сейчас — да.

Он отступает и поднимает канат, пропуская меня. Мы возвращаемся молча. На середине пляжа я замечаю, что он хромает. Совсем немного, но каждый третий шаг даётся ему жёстче.

— Вы ударились?

— Пустяки.

— Покажите.

Он поворачивает голову.

— Что?

— Вы прихрамываете. Наверное, порезались о камень.

— Я справлюсь.

Он возвращает мне мои же слова с таким спокойствием, что я почти смеюсь. Смех застревает, превращается в короткий всхлип. Я отворачиваюсь к морю.

Глеб ничего не спрашивает. Просто идёт рядом медленнее.

У входа в отель нас встречает девушка со стойки. Её глаза расширяются при виде промокшего хозяина.

— Аптечку в мой кабинет, — распоряжается он. — И горячий чай в семьсот восьмой.

— Мне ничего не нужно.

— Чай уже нужен мне, — отвечает Глеб. — Иначе вы через час спуститесь с температурой и снова заявите, что справляетесь.

— Вы невозможный человек.

— До завтрака мнение может измениться.

— Не рассчитывайте.

— В восемь на нижней террасе.

Он произносит это как назначенное решение.

— Я не соглашалась завтракать с вами.

— Вы ещё не отказались.

Глеб уходит в служебный коридор, оставляя мокрые следы на светлом полу.

Я смотрю ему вслед дольше, чем требуется.

Глава 2

В семь пятьдесят пять я стою перед зеркалом и злюсь на себя.

Завтрак входит в стоимость номера. Нижняя терраса открыта для всех. Моё появление там ничего не означает. Я повторяю это, пока поправляю пояс белого платья и распускаю волосы.

Чёрные очки скрывают припухшие веки. След от кольца я замазываю тональным средством.

В восемь ровно спускаюсь на террасу.

Глеб сидит за крайним столиком возле стеклянного ограждения. На нём светлая рубашка, тёмные брюки. Нога, которую он вчера поранил, вытянута чуть дальше второй. Перед ним чашка кофе и раскрытая папка. Даже за завтраком этот человек работает.

Я выбираю стол через два от него.

Официант не успевает подойти. Глеб закрывает папку.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Горло не болит?

— Нет.

— Температуры нет?

— Тоже.

— Значит, чай помог.

— Или я не успела простудиться за семь минут в воде.

Он встаёт, берёт свою чашку и пересаживается за мой стол. Разрешения не спрашивает.

— Я не приглашала.

— Вы пришли.

— Завтракать.

— Я тоже.

Официант ставит передо мной кофе, творог с ягодами и горячие сырники. Я смотрю на тарелки.

— Я ещё ничего не заказывала.

— Заказал я.

— А если я этого не ем?

— В анкете при бронировании указано, что аллергии нет. Вчера вы отказались от игристого, поэтому я выбрал кофе. Сахар стоит рядом.

— Вы читаете анкеты всех гостей?

— Только тех, кого приходится вытаскивать из закрытой бухты.

Возмущение смешивается с голодом. Сырники выглядят слишком хорошо. Я отламываю край вилок.

— Если невкусно, можете считать это моей ошибкой, — говорит Глеб.

— Вы допускаете, что ошибаетесь?

— Редко.

Я всё-таки улыбаюсь. Он замечает, и в его лице что-то меняется. Жёсткая складка между бровями становится мягче.

— Так лучше, — произносит он.

Улыбка исчезает.

— Не указывайте, как мне выглядеть.

— Я сказал, что вам идёт улыбка.

— Прозвучало иначе.

Глеб откидывается на спинку стула.

— Хорошо. Учту.

Я ждала спора. Его спокойное согласие сбивает сильнее давления.

За соседним столом молодожёны фотографируют друг друга с чашками. На девушке белая футболка с золотистой надписью, на мужчине такая же чёрная. Она наклоняется и целует его в щёку. Он смеётся.

Вилка замирает в моей руке.

— Хотите переехать в другой номер? — спрашивает Глеб.

— Зачем?

— В вашем слишком много свадебных деталей. Я распорядился убрать остальное, но могу предложить обычный номер с видом на сад.

— Откуда вы знаете?

— Горничная сообщила, что нашла в корзине полотенце.

Я вспоминаю лебедя у стены.

— Она пожаловалась хозяину на испорченную птицу?

— Пыталась понять, нужно ли снова украшать кровать.

— Не нужно.

Он кивает, не требуя объяснений. Я съедаю половину сырника и делаю глоток кофе.

— Свадьба должна была состояться неделю назад, — говорю сама. — Я обнаружила жениха с другой женщиной за три дня до регистрации. Путёвку вернуть уже было нельзя. Теперь вы знаете всё, что требуется для выбора завтрака.

Глеб не бросается утешать. Его пальцы крепче охватывают чашку.

— Он пытался вас остановить?

— Когда я собирала вещи?

— Когда вы уезжали сюда.

— Звонил. Я заблокировала номер.

— Правильно.

— Мне не нужна оценка.

— Это тоже учту.

Мы молчим. Странно, но рядом с его молчанием легче, чем с сочувственными речами родных. Он не спрашивает, почему Олег изменил, не предлагает простить ради семи прожитых лет.

— А вы почему здесь завтракаете один? — спрашиваю я.

— Я живу в отеле.

— У владельца нет дома?

— Есть. На территории, за садом.

— Тогда вопрос остаётся.

В серых глазах появляется предупреждение.

— Вы предлагаете обмен откровенностями?

— Пытаюсь поддерживать беседу.

— Моя личная жизнь закончилась задолго до этого завтрака.

— Понятно.

— Сомневаюсь.

Он снова открывает папку. Разговор окончен. Меня задевает, хотя права требовать ответа нет.

После завтрака я иду к бассейну, читаю три страницы и понимаю, что ни одного предложения не запомнила. Перед глазами стоит мокрая рубашка Глеба, в ушах звучит его «так лучше».

Я откладываю книгу и отправляюсь гулять.

Дорожка вдоль берега поднимается к старой смотровой площадке. Слева море, справа густой сад. Через двадцать минут замечаю тёмную машину и Глеба возле открытого капота. Он говорит по телефону, коротко отдаёт распоряжения. Увидев меня, завершает звонок.

— К закрытой бухте не направляйтесь?

— Проверяю, есть ли у вашего отеля территория, где мне разрешено ходить без сопровождения.

— Дорожка безопасна до каменной арки. Дальше осыпь.

— Спасибо за справку.

Прохожу мимо. Через несколько шагов слышу его голос:

— Вера.

Оборачиваюсь.

— Я еду к маяку. Там хороший вид и тихий пляж. Хотите со мной?

— Это приглашение или распоряжение?

— Приглашение.

— Тогда умеете же.

Глеб открывает пассажирскую дверь. Я колеблюсь. Олег всегда злился, если я принимала решение дольше нескольких секунд. Глеб ждёт спокойно, хотя терпение даётся ему усилием.

Я сажусь.

До маяка едем около получаса. Дорога идёт между скалами, море вспыхивает в просветах. В машине тихо, прохладно, пахнет кожей и кофе. Глеб не включает музыку и не заполняет паузы.

— Вы всегда такой разговорчивый? — спрашиваю я.

— Если есть что сказать, говорю.

— А если женщина рядом нервничает?

— Вы нервничаете?

— Уже меньше.

— Тогда молчание работает.

У маяка пусто. Белая башня стоит на выступе, под ней прячется узкая полоса песка. Мы спускаемся по длинной лестнице. Глеб идёт впереди, иногда оглядывается на мою обувь.

— Даже не начинайте, — предупреждаю я.

— Хотел спросить, удобно ли вам.

— Удобно.

— Хорошо.

Он меняется быстрее, чем я ожидала. Или подбирает другой способ командовать.

На пляже я снимаю сандалии. Глеб остаётся в брюках и рубашке, садится на нагретый камень. Ветер треплет его волосы. Без сотрудников вокруг и папки в руках он выглядит моложе.

— Вы привозите сюда всех расстроенных гостей? — спрашиваю я.

— Вы первая, которая заставила меня войти в море в брюках.

— Я не заставляла.

— Именно поэтому и вошёл.

Он произносит это тихо. Я перестаю смотреть на волны.

Расстояние между нами около двух шагов. Глеб опирается ладонями о камень. Вчера эти руки удерживали меня в воде. Я помню давление пальцев на животе слишком отчётливо.

— Спасибо, — говорю я. — За вчерашнее. Нормально, без спора.

— Принято.

— И за завтрак.

— Это уже два долга.

— Я не люблю быть должной.

— Тогда поужинайте со мной.

Снова приглашение. Почти.

— Сегодня?

— В девять.

— Вы уверены, что не рано после окончания вашей личной жизни?

Глеб встаёт. Подходит близко, но не касается. От его тени прохладно на моих ступнях.

— Она закончилась четыре года назад.

— Почему?

— Это третий долг, Вера.

— Ужин становится слишком дорогим.

— Можете отказаться.

Я поднимаю лицо. Его взгляд опускается к моим губам и возвращается к глазам.

— Могу, — отвечаю я. — Но не хочу.

В девять Глеб ждёт меня на открытой террасе. Я надеваю тёмно-зелёное платье, которое покупала для вечеров с Олегом. На полпути к ресторану хочу вернуться и переодеться, однако заставляю себя идти дальше. Платье принадлежит мне. Этот отпуск тоже.

Глеб поднимается навстречу. Его тёмный пиджак сидит безупречно, белая рубашка расстёгнута у горла. Он смотрит медленно, без попытки скрыть интерес.

— Вы прекрасны.

Простые слова ложатся на кожу теплом.

— Спасибо.

Ужин проходит неожиданно легко. Глеб рассказывает, как восстанавливал отель после нескольких лет запустения. Я говорю о работе с интерьерами, умалчивая, что в последние годы почти все решения принимал Олег. Мы спорим о музыке, смеёмся над меню с названиями блюд длиной в строку. Глеб умеет слушать, когда перестаёт руководить разговором.

После десерта он провожает меня к лифту.

— Хотите выпить кофе у меня? — спрашивает он.

Тепло от ужина сразу становится острее. Я знаю, что скрывается за этим вопросом. Знает и он.

— Кофе я уже пила.

— Тогда без кофе.

Двери лифта открываются. Внутри никого. Я вхожу, Глеб следует за мной и нажимает кнопку седьмого этажа.

— Вы живёте не здесь.

— Сначала провожу вас.

— А потом?

Он поворачивается ко мне. Кабина начинает подниматься.

— Потом вы скажете, хотите ли, чтобы я ушёл.

Между этажами я слышу собственное дыхание. Глеб стоит рядом, не касаясь. От этого ожидание становится невыносимым.

У двери номера я прикладываю карточку. Зелёная лампочка загорается, замок щёлкает. Можно пожелать спокойной ночи. Можно закрыться и утром убедить себя, что поступила разумно.

Я открываю дверь.

— Войдёшь?

Переход на «ты» происходит тихо, без обсуждения. Взгляд Глеба темнеет.

— Скажи яснее.

Меня обжигает его требование. Именно сейчас оно не раздражает.

— Я хочу, чтобы ты вошёл.

Он переступает порог и закрывает дверь. Несколько секунд стоит неподвижно, словно даёт мне последний шанс передумать.

Я снимаю сандалии. Пальцы дрожат на тонкой застёжке.

— Вера.

— Что?

— Посмотри на меня.

Поднимаю глаза.

— Если захочешь остановиться, скажи. Я услышу сразу.

— Хорошо.

— Этого мало.

— Я поняла. И я хочу тебя.

Глеб подходит. Одна ладонь ложится мне на талию, вторая касается затылка. Он не целует сразу. Большой палец проходит по коже за ухом, задерживается там, где бьётся пульс. Я подаюсь ближе.

Его губы накрывают мои медленно. Первый поцелуй почти сдержанный, только пальцы на талии сжимаются сильнее. Я цепляюсь за лацканы пиджака. Глеб проводит языком по моей нижней губе, и мягкость заканчивается. Он разворачивает меня, прижимает спиной к двери. Тело ощущает его от груди до бёдер.

— Так? — спрашивает он возле моего рта.

— Сильнее.

Он выполняет просьбу. Поцелуй становится глубоким, требовательным. Ладонь скользит по боку, собирает ткань платья, открывая колено. Глеб касается внутренней стороны бедра и останавливается.

Я раздвигаю ноги сама.

В его взгляде вспыхивает удовлетворение. Пальцы поднимаются выше, медленно, оставляя за собой горячую дорожку. Через тонкое бельё он чувствует мою готовность. Я прикусываю губу, но Глеб освобождает её большим пальцем.

— Не прячься.

— Я и не прячусь.

— Тогда дай мне услышать тебя.

Он отводит край белья и касается кожи. Первый круг пальцев слишком лёгкий. Я толкаюсь бёдрами навстречу. Глеб удерживает меня у двери, меняет давление, заставляет удовольствие нарастать медленно. Колени слабеют.

— Глеб...

— Ещё.

— Пожалуйста.

— Что именно?

Я должна произнести, и от этого внутри становится жарче.

— Не останавливайся.

Он целует меня в шею. Пальцы двигаются точнее, быстрее. Я закрываю глаза и перестаю удерживать голос. Разрядка накрывает резко. Глеб поддерживает меня, пока тело вздрагивает, потом прижимает ладонь поверх платья к животу.

— Дыши.

Я вдыхаю воздух вместе с запахом его кожи и чистой рубашки.

— Командовать обязательно?

— Сейчас — да.

Он подхватывает меня под бёдра. Я обнимаю его ногами, и Глеб несёт меня к кровати. Пиджак падает на кресло. Я растёгиваю его рубашку, касаюсь твёрдой груди, провожу ладонями по плечам. Он снимает с меня платье через голову и на секунду замирает.

Я лежу перед ним в белье, вдруг остро вспоминая Олега, его чужие руки в нашей спальне. Желание проваливается, оставляя холод под рёбрами.

Глеб сразу замечает.

— Где ты сейчас?

Я сжимаю простыню.

— Здесь. Просто... вспомнила.

Он не требует продолжения. Садится рядом, проводит костяшками пальцев по моей щеке.

— Можем остановиться.

— Не уходи.

— Я останусь и без секса.

От этих слов боль становится терпимой. Я касаюсь его лица, провожу пальцем по белому шраму.

— Поцелуй меня.

Глеб наклоняется. Теперь его губы мягкие, терпеливые. Он ждёт, пока я сама притяну его ближе, пока снова потянусь к ремню. Помогает снять оставшуюся одежду, достаёт защиту из бумажника и оставляет на тумбочке.

— Ты уверена?

— Да.

Он надевает презерватив и устраивается между моих ног. Входит медленно, останавливаясь после каждого движения. Тело принимает его с усилием. Я обхватываю его плечи, чувствую напряжение мышц под ладонями.

— Больно?

— Уже нет. Продолжай.

Глеб начинает двигаться. Сначала размеренно, следя за моим лицом. Я поднимаю бёдра, впускаю глубже. Его контроль трещит: пальцы сминают простыню возле моей головы, дыхание становится тяжёлым. Он меняет угол, и удовольствие возвращается плотной волной.

— Смотри на меня, — говорит он.

Я открываю глаза. В его взгляде нет жалости к обманутой невесте. Есть голод по мне, настоящей, лежащей под ним сейчас. Я цепляюсь пятками за его бёдра.

— Быстрее.

Глеб выполняет. Кровать тихо ударяется изголовьем о стену. Я двигаюсь ему навстречу, уже не думаю, как выгляжу и какие звуки издаю. Он проводит рукой между нашими телами, находит чувствительную точку. Второй оргазм собирается постепенно, заставляет всё внутри сжаться вокруг него.

Глеб произносит моё имя и делает ещё несколько сильных движений. Замирает, тяжело выдыхая мне в шею.

Мы лежим молча. Его вес тёплый, настоящий. Через несколько секунд он приподнимается, снимает защиту и уходит в ванную. Я смотрю в потолок и жду знакомой пустоты.

Глеб возвращается с влажным полотенцем и стаканом воды. Садится рядом, протягивает стакан.

— Выпей.

Я послушно делаю несколько глотков.

— Сейчас можешь командовать, — говорю я.

Уголок его рта двигается.

Он бережно проводит полотенцем по внутренней стороне моих бёдер. От этой простой заботы горло сжимается сильнее, чем от грубого поцелуя у двери.

— Останешься? — спрашиваю я.

Глеб смотрит на меня внимательно.

— Если ты хочешь.

— Хочу.

Он ложится рядом. Я поворачиваюсь к нему спиной, и его рука устраивается у меня на талии. Никаких обещаний между нами нет. Я даже не знаю, что будет утром.

Мысль пытается увести меня к большим выводам, однако я не позволяю. Есть только тёплая ладонь на животе, шум моря за открытой дверью балкона и мужчина, который услышал меня, когда я попросила остановиться внутри собственного воспоминания.

Засыпаю раньше него.

Глава 3

Просыпаюсь оттого, что рядом пусто.

Сначала рука скользит по прохладной простыне, потом память возвращает всё сразу: лифт, требовательный поцелуй у двери, ладонь Глеба на моём животе. На подушке сохранилась вмятина. Его рубашки и брюк нет, дверь в ванную открыта.

На тумбочке стоит стакан воды. Никаких записок.

Я саж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.